

Виталий Катыхкин

Амулан дочь степи

Виталий Катышкин

Амулан дочь степи

<https://litres.ru/73975191>

SelfPub; 2026

Аннотация

В калмыцкой степи, в заповеднике «Чёрные земли», молодая биолог Амулан продолжает дело своего погибшего отца, защищает сайгаков, древних и священных животных степи. Во время весеннего окота она в одиночку сталкивается с вооружёнными браконьерами, пришедшими за рогами редких антилоп. Рискуя жизнью, Амулан вступает в неравную борьбу, где её союзниками становятся смелость, знание степи и сама земля. Это история о верности корням, ответственности человека перед природой и о том, что даже один человек способен изменить ход событий.

Виталий Катышкин

Амулан дочь степи

Часть первая. Там, где начинается ветер

«Чёрные земли» это последний клочок дикой, первозданной Калмыкии, край, где полынь пахнет так густо, что воздух можно потрогать, где земля весной надевает тюльпановое платье, а осенью гудит от ветра, как натянутая домбра.

Амулан знала этот край так, как знают собственные ладони.

Она выросла здесь. Не на городских улицах Элисты, не в аккуратном посёлке, а прямо на кордоне в небольшом белом доме с синими ставнями, стоявшем на краю бескрайней равнины. Из окна её детской комнаты была видна линия горизонта, ровная и чистая, как лезвие. И больше ничего. Только небо и земля, небо и земля, два великих начала, между которыми прошла вся её жизнь.

Отца звали Церен. Он был главным государственным инспектором по охране территории заповедника «Чёрные земли» должность, которая звучала длинно и внушительно, но на деле означала бесконечные объезды степи в любую погоду, ночные дежурства, латание заборов, подсчёт животных и тихую, упорную войну с теми, кто приезжал сюда с ружьями.

Церен был невысокий, крепкий, с обветренным лицом цвета старой кожи и руками, которые могли одновременно и

завести заглохший УАЗ на сорокаградусном морозе, и осторожно, как хирург, перебинтовать сломанную лапу корсака. Он говорил мало. Но каждое его слово врезалось в память, как тамга родовой знак врезаются в камень.

«Амулан, говорил он, когда она была совсем маленькой и сидела рядом с ним в машине, пока он медленно ехал по степи, считая стадо сайгаков, запомни: степь это не пустое место. Каждый кто думает, что степь пуста, слеп. Тут живут тысячи. И мы отвечаем за каждого.»

Она запоминала. «Амулан, говорил он, когда учил её читать следы на глинистой земле у водопоя, видишь? Корсак прошёл. Рядом тушканчик. А вот это сайгак. Видишь, копыта чуть расставлены? Это самка, она тяжёлая, скоро родит. Значит, здесь где-то рядом место окота. Это место святое. Его нельзя тревожить.» Она училась. «Амулан, говорил он, когда она, уже подросток, плакала над мёртвым сайгачонком, которого они нашли у дороги, задранного волками, не плачь. Это жизнь дикой природы. Волк тоже должен есть. Но если сайгачонка убил человек тогда плачь. Тогда борись.» Она боролась. Церен погиб, когда Амулан было семнадцать лет.

Не от рук браконьеров, хотя угрозы были, и не раз. Его подвело сердце. Просто однажды апрельским утром, когда степь уже дышала теплом и по балкам зацветали ирисы, он сел на крыльцо, посмотрел на горизонт и не встал. Ему было сорок девять лет.

Амулан осталась одна. Мать её умерла, когда девочке не было и пяти, тихо, от болезни, которую поздно нашли. Родственники были в Элисте, они звали к себе, предлагали квартиру, учёбу, городскую жизнь. Но Амулан отказалась. Я останусь здесь, сказала она дяде Бадме, который приехал на похороны и стоял, неловко сминая в руках шляпу. Папа не хотел бы, чтобы кордон опустел. Дядя Бадма, грузный мужчина с добрым лицом, только покачал головой.

Ты молодая, живешь одна. Степь не место для хрупкой девушки. Папа говорил: степь - это место для тех, кто её любит. Я её люблю.

Она закончила биологический факультет Калмыцкого университета заочно. Устроилась в заповедник, сначала лаборантом, потом младшим научным сотрудником. Параллельно помогала инспекторам, знала территорию лучше, чем кто-либо из новичков, могла проехать там, где навигатор показывал пустоту, и найти воду там, где карта обещала только сухой суглинок.

К двадцати четырём годам Амулан стала тем, кем когда-то был её отец, хранительницей.

Не по должности. По сути. Она была красивой, той особой степной красотой, которая не кричит, а шепчет. Высокие скулы, узкие тёмные глаза, от которых бежали лучики морщинок, когда она щурилась на солнце а щурилась она

почти всегда. Кожа, тронутая загаром с марта по ноябрь. Руки крепкие, с коротко обрезанными ногтями, руки человека, который каждый день что-то делает: крутит руль, меняет колёсо, ставит фотоловушку, достаёт занозу из лапы собаки.

У неё были две собаки Хар и Цаган, Чёрный и Белый. Хар огромная, мрачная кавказская овчарка, которую кто-то бросил у трассы щенком. Цаган поджарая степная дворняга неопределённой породы, белая, как соль, с умными жёлтыми глазами. Хар охранял дом. Цаган ездила с Амулан повсюду, сидя на переднем сиденье старого отцовского УАЗа и положив морду на приборную панель. Ещё были кот Манджи, три курицы, которые несли яйца когда хотели, и молодой корсак по кличке Шулма лисёнок, подобранный с перебитой задней лапой. Лапу Амулан выходила, но корсак остался хромым и в степь уходить отказался. Он жил в сарае, таскал яйца у кур и вечерами приходил на крыльцо, где сворачивался клубком у ног Амулан, пока она пила зелёный калмыцкий чай джомба и смотрела, как закат окрашивает степь в цвет расплавленного золота.

Часть вторая. Священный народ степи

Чтобы понять, что произошло дальше, нужно понять, кто такие сайгаки.

Для учёного сайгак *Saiga tatarica*, парнокопытное из подсемейства настоящих антилоп, реликтовое животное, пере-

жившее мамонтов и шерстистых носорогов, живой осколок плейстоцена. Существо удивительное: горбоносое, с мягким хоботком-носом, который фильтрует пыль летом и согревает воздух зимой. Быстрое до восьмидесяти километров в час. Выносливое за сутки стадо может пройти пятьдесят километров. Плодовитое самки часто рожают двойню. И невероятно уязвимое.

Для Калмыка сайгак это нечто большее. Калмыки потомки западных монголов-ойратов, пришедших в Прикаспийские степи в XVII веке. Они принесли с собой буддизм, эпос «Джангар», тоску по бескрайним пространствам и глубокую, корневую связь с животным миром степи. В калмыцкой мифологии сайгак это не просто зверь. Это подданный Белого Старца Цаган Аава, хранителя земли и воды, покровителя всего живого. Убить сайгака без нужды значит оскорбить самого Старца. Значит навлечь беду не на себя на весь род. Старики рассказывали, что когда-то, давным-давно, сайгаков в степи было столько, что земля гудела от их копыт, как от далёкого грома. Стада шли от горизонта до горизонта, и пастух, увидев их, снимал шапку и кланялся, потому что видел живое благословение земли. Сайгак давал ойратам мясо в голодные годы, шкуру для тепла, рога для лекарств, но всегда в меру, всегда с молитвой, всегда с благодарностью.

А потом пришло время, когда люди забыли благодарность. В девяностых годах, когда рухнула советская система охраны, сайгаков начали истреблять. Рога самцов полу-

прозрачные, лировидные, красивые, как язычки янтарного пламени, стояли на чёрном рынке Китая и Юго-Восточной Азии безумных денег. Их использовали в традиционной китайской медицине, считая лекарством от жара и воспалений. Один килограмм рогов несколько тысяч долларов. Для голодной степи это были деньги, от которых трудно отказаться.

За десять лет популяция сайгаков в Калмыкии упала с сотен тысяч до нескольких тысяч. Вид оказался на грани полного исчезновения. Это была катастрофа тихая, невидимая для больших городов, но оглушительная для тех, кто жил в степи. Церен застал самые страшные годы. Он рассказывал Амулан, как находил в степи, десятки обезглавленных туш браконьеры спиливали рога и бросали тела. Как стрелял в воздух, чтобы отогнать людей на мотоциклах, преследовавших стадо. Как писал рапорты, которые ложились в папки и покрывались пылью. Как плакал один раз, только один, когда при подсчёте весной оказалось, что самцов в стаде осталось меньше одного процента. Когда в стаде нет самцов, объяснял он дочери, самки не могут забеременеть. Стадо умирает. Не сразу. Медленно. Как свеча, которой отрезали фитиль.

Но потом медленно, мучительно ситуация начала меняться. Появились новые законы. Заповедник получил технику, людей, полномочия. Международные организации обратили внимание. Штрафы за браконьерство выросли, уголовные дела стали возбуждать. И сайгаки осторожно, недоверчиво, как дети, которых однажды предали, начали возвращаться.

К тому времени, когда Амулан исполнилось двадцать четыре, в калмыцкой степи жило уже больше двухсот тысяч сайгаков. Это был триумф. Чудо. Воскрешение.

Но там, где есть ценность, всегда найдутся те, кто захочет её украсть.

Часть третья. Чужие следы

Всё началось в конце апреля в самое священное для степи время. Апрель и май - это месяцы окота. Самки сайгаков собираются в огромные родильные скопления, иногда по несколько тысяч голов, и рожают в открытой степи. Малыши встают на ноги через несколько часов, а через два-три дня уже бегут за матерью. Это время уязвимое, хрупкое, нежное, как первый лист тюльпана, пробивший сухую корку земли.

В эти недели территорию заповедника патрулировали усиленно. Амулан, хоть и не была инспектором, часто выезжала на маршруты, устанавливала фотоловушки, вела мониторинг, фиксировала места скоплений. В тот день двадцать шестого апреля она была одна.

Два штатных инспектора, Баир и Анзор, уехали на южный участок: там пастухи пожаловались на волков, нужно было разобраться, поставить отпугиватели. Начальник управления Эльвартн Джалович был в Элисте на совещании. Связь в степи работала, как всегда, то есть почти никак. Телефон ловил сигнал только на возвышенностях, и то не всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.